

Петрова Тамара Ермолаевна

Война бедой и горем ворвалась в жизнь Тамары Петровой (в девичестве Безматьевой), когда ей было только семнадцать. Девушка и представить себе не могла, сколько всего ей придется пережить за годы военного лихолетья. Нет, не кидала ее судьба в горнило на передовой из одного подразделения в другое. Хотя фронтовые пути, как говорится, неисповедимы, но воевать ей довелось лишь в единственном 383-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе ПВО.

- Наша часть войск противовоздушной обороны кадровая была, - даже с какой-то гордостью делится далекой памятью Тамара Ермолаевна. - Сформировалась она еще в 1939 году в г. Бендеры, а за годы Великой Отечественной войны прошла славный боевой путь (и я вместе с ней) от Новочеркасска через Крым, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию до границы с Австрией. В августе 1945-го, когда я демобилизовалась, часть перебросили в г. Николаев, а тридцать лет спустя военное командование организовало нам, ее ветеранам, встречу. Так, если во время войны у нас были 76-мм пушки, то в 1975 году уже стояли на вооружении ракеты.

Демобилизовалась сержант Безматьева по Указу ПВС СССР от 23.06.1945г., а на войну уходила добровольцем по призыву ВЛКСМ, воинскую присягу (согласно записи в военном билете) приняла 1 мая 1943 года.

- Я комсомолкой была, вызвали в райком. А там нас, комсомольцев, встречают военком и командир войсковой части: «Тяжелые бои под Ростовом, требуется ваша помощь необходимо пополнить ряды бойцов!». Вручили повестки, а через два дня привезли в столицу Дона. Меня определили в отделение радиотелеграфистов, проходила обучение военному ремеслу в Новочеркасске, где наша часть тогда стояла, пока фронт был в Миусе. А затем мы пошли на Крым.

Но сначала была оккупация. Незабываемо горьки первые впечатления от тех страшных отметин. Отца (Ермолай Григорьевич - участник Гражданской войны, красный партизан) почти сразу же после объявления войны призвали на фронт. А дома захватчики-оккупанты (румыны, немцы,

местные полицаи), разрывы авиабомб, в здешних краях доселе невиданные и неслыханные. Страх и растерянность царили в часы, казавшиеся нескончаемыми - все это и сейчас отчетливо помнится.

- Жили не часами, а минутами, - убеленная сединой старушка задумывается и неторопливо продолжает: - Мне и не верилось тогда, что смогу остаться живой... Когда шли бомбежки, дети, матери да старики убегали из своих жилищ и прятались по балкам-оврагам. Однажды в промозглую пору простудился мой брат Александр - подхватил пневмонию...

- Выжил? - зачем-то поспешно спрашиваю я. - Выздоровел? Поправился?

- Увы, - ее так и незажившую боль-скорбь тут же выдала вдруг задрожавшая сухонькая ручонка. - Вот тогда мы с мамой Дарьей Романовной, бабушкой Антониной Николаевной, сестрой Ольгой, братьями Геннадием и Анатолием стали собираться в Дубовский район к родственникам, погрузились со всей своей домашней утварью на двух бричках и повезли нашего Шурика в ... концлагерь для советских военнопленных. Там был хороший доктор дагестанец Гаджи, тоже из узников, мы Гришей его называли. «Слишком поздно», - сказал он: не жилец, мол, уже... А немцы в ту пору еще лояльными к местному населению были, их; разрешения, старосты женам-матерям тогда можно было забирать из лагеря хворых родственников для «ведения домашнего хозяйства». Гриша-Гаджи к нам обратился, но его староста Минаев (нехороший был) не отпустил. Однако мама с бабушкой сказали доброму доктору, дескать, мы тебя заберем потихонечку подходи к бричке... Скрытно уложили его вниз телеги, укрыли поклажей (перины, подушки), а сверху умиравшего Шурика положили и поехали дальше. Перед переправой через Дон у этой брички, как на грех, дышло сломалось. Немцы кричат: «Бросайте! Освободите дорогу!». Что делать? Мама нам: «Не брошу, останусь, езжайте». А тут работавшие рядом русские военнопленные подбежали к бричке с проволокой, скорехонько скрутили дышло, поставили ее в колею на дорогу, и мы благополучно перебрались через понтонный мост на другой берег, подъехали к лесу. «Ну, Гриша, вылазь, бери кнут и гони быков...». Прибыли в Нижний Жиров, а там немцы. Но мы пристроили Гришу на мукомольню в дальнем хуторе на отшибе, где он до прихода советских войск работал, помогал нам, чем мог, а вместе с красноармейцами-освободителями пошел воевать дальше. Писал Гаджи маме письма с фронта, благодарил и присылал деньги из своего фронтового довольствия военврача. Мы держали с ним связь, пока не вернулись в Цимлу. И лишь после войны, когда я уже работала в райвоенкомате секретарем-машинисткой, отыскался его след письмом в наш РВК: он нас давно разыскивает. Наша переписка возобновилась, Гриша собирался навестить нас, но уж сам болел и лечился, а потом умер...

- Много было потерь за войну?

- И радости встреч, и горечь потерь - все было! Из Новочеркаска в 1943-м пошли освобождать Крым. Наша часть в составе 8-й Приморской

армии в Джанкое стояла на охране Чонгарского моста. А там тогда денно и ночью бомбежки страшные были - немец, припертый к болоту, не мог прорваться к морю и надеялся на свою авиацию... На Чонгарском мосту я встретила земляка-цимлянина Ваню Быкова. Он служил в малозенитном полку, попросил мой армейский адрес для дальнейшей переписки, но сам потом мне не писал, а передал «координаты» другим цимлянам (ребята были чуть старше) Николаю Куприянову и Константину Свиридову. Переписывались. Колю я встречала не раз в Цимлянске после войны, а Костя в 1945-м, когда уже Берлин капитулировал, погиб: был водителем, возил командующего какого-то высокого ранга, и уже после Победы они напоролись на засаду недобитых эсэсовцев...

- **Пройти войну и погибнуть в мирное время...**

- Ну, как говорится, на войне как на войне! Жизнь есть жизнь: всегда встречаем кого-то или прощаемся с кем-то - родных и близких, друзей или знакомых... В конце войны встретила под Будапештом в составе Донского казачьего корпуса бывшего заместителя председателя нашего сельсовета Афанасия Сохненко, хорошо знавшего моего отца. «Дочка, дочка!» - обнялись, как родные, тепло, радостно и очень светло на душе было. После Победы домой вернулся земляк-казак, но я его уже не видела, пожил он недолго. С отцом Ермолаем Григорьевичем тоже на фронте судьба свелась свидеться - он в госпитале лежал и чудом меня отыскал. Встретились, обрадовались, обнялись и расплакались. Три дня вместе были, а потом его отправили домой на долечивание, а наша часть пошла дальше по Украине... Еще хочу сказать, что все фронтовые годы от военкомата до Австрийской границы бок о бок со мной служили мои боевые подруги - радиотелеграфистки наводчицы и орудийщицы - цимлянки Анна Ступина, Валентина Грошева, Ангелина Золотарева, Зоя Голубева, Юлия Кашерова. Даже жили все мы, считай, в одной землянке! Но, к сожалению, теперь и они уже «ушли», светлая им память - одна я осталась.

- **Радость Дня Победы помните?**

- А как же! Мы на марше были: с Венгрии в Австрию. Потом - Санбатыль, Шапрон... Шли, вдруг услышали команду: колонне остановиться и выйти из машин. Командир нам: «Сегодня ночью закончились переговоры - фашистская Германия безоговорочно капитулировала, враг побежден!». Пронесся всеобщий вздох: «Скоро домой!». Тысячеголосый крик восторга, не сдерживаемый никакими ограничениями. Повсюду звучали песни. Шум веселья заполнял все пространство, звуча громче, чем салютующие автоматы. Ощущение счастья, причастности к великому делу Победы буквально переполняло мою душу - и его я сейчас вряд ли смогу объяснить или передать. Неостановимые слезы радости текли по нашим лицам: и у всех моих однополчан, моих подруг тоже были слезы счастья, и никто не пытался их скрывать.

Домой Тамара Ермолаевна вернулась в августе 1945-го. Сверкали золотом на ее гимнастерке ордена и медали. Горда она была тем, что не

подвела своих земляков. И сейчас, вспоминая войну, нет-нет, да и задумается: многое могла бы еще поведать, обо всем рассказать более подробно. Но беседу с ней я прерываю другим вопросом:

- **Какова была Ваша послевоенная судьба?**

- Работала - до 80 лет. Сначала поступила в РВК, Затем в райисполком машинисткой, а потом перешла на строительство ГЭС: в РИКе 300 рублей платили, а на стройке - 960... Мой муж Павел Карпович Петров тоже был фронтовиком: еще до войны окончил военное радиотехническое училище, служил младшим лейтенантом на Польской границе, и в самом начале Великой Отечественной угодил к фашистам в плен - через четыре года наши освободили, восстановили в звании... Вот, а познакомились мы на стройке, в 1950 году создали семью, вместе прожили 27 лет и умер - не прошла бесследно фашистская неволя... На стройке и в ЖКХ работала в лагере заключенных, затем его ликвидировали и меня перевели на электроучасток, образовались электросети (затем уж ВЭС). Мы стали строиться в Цимлянске, а жили в Соленом, и я перешла в открывшуюся при ВЭС телефонную станцию. Но устала от ночных дежурств, меня позвали в райпотребсоюз, вот оттуда я и пошла на пенсию, однако еще долго продолжала работать (и в общепите, и в заготконторе) - кассиром, бухгалтером, экономистом...

Конечно, сейчас годы и болезни с мудреными названиями берут свое - ведь ей уже девяностый год. Только вот Тамара Ермолаевна не думает сдаваться им на милость. Не привыкла она к этому. Лишь грустинка в глазах порой / (выдает ее. Многое, очень многое пережито и прожито. И беседу с ней мы заканчиваем мирной темой - о ее семье.

- Дочь Людмила живет в Цимлянске и все время меня навещает, помогает, ухаживает, заботится. Наведывается ко мне из Волгодонска и младшая моя (она у родителей послевоенная) сестра Светлана, ежедневно звонит и тоже регулярно спрашивается о моем здоровье. Сын Олег обосновался - в Твери, 15 лет посвятил службе в армии, прапорщик - сверхсрочник, контрактник. У него Дочь (моя внучка) Елена, а у нее мой правнук Володя. Каждый год меня навещают и нынче приедут осенью... Все как у людей: дети подняты на ноги, живут своим умом, не жалуется ни на что - в семье-то моей...

Счастья вам, уважаемая Тамара Ермолаевна, и доброго здоровья!
Низкий поклон от всех нас за ратный и мирный труд. Живите долго!

А.ВЛАДИМИРОВ. Фото автора.

Источник:

1. Владимиров, А. Она сбивала самолёты: О ветеране ВОВ Тамаре Ермолаевне Петровой (в девичестве Безматъевой)// Придонье.- 2013.-22 июня.- с.1-2.